

Журнальное Обзорѣніе.

I.

Съ января мѣсяца будущаго года „Вѣстникъ Европы“ передается Стасюлевичемъ въ другія руки.

Фактически передача можетъ считаться совершившейся уже теперь, такъ какъ ноябрьская книжка журнала вышла съ коротенькой программой новой редакціи, новаго издательства.

Мѣняются лишь лица, знамя журнала остается прежнимъ: организация русскаго общества на почвѣ служенія народу, борьба за осуществленіе дозвонговъ, выставленныхъ на старомъ знамени „В. Е.“—за идеалы общечеловѣческой культуры и политической свободы.

Имена Арсеньева и Максима Кошарова, становящихся во главѣ журнала, ручаются за то, что знамя русскаго либерализма, либерализма западникова, которому съ такою благородствомъ и мужествомъ служилъ маститый Стасюлевичъ, по-прежнему въ надежныя чистыя руки.

„Новое Время“ должно быть вдвойнѣ обезкуражено. Еще недавно, по поводу перваго заявленія Стасюлевича, оно ехидно писало, что „В. Е.“ умираетъ, какъ ненужный организмъ, отъ равнодушія общества, хотя Стасюлевичъ ясно указывалъ настоящую причину (годы и усталость), почему рѣшилъ оставить журнальную дѣятельность.

Тогда онъ не называлъ своихъ преемниковъ, и „Нов. Вр.“ тайнѣ торжествовало, надѣясь, что ненавистное ему знамя окончательно свертывается...

И вдругъ—бодрые голоса новыхъ знаменосцевъ обѣщаютъ продолженіе борьбы... „Нов. Времени“ и его прихвостнямъ ничего не оставалось, какъ скрыть свое смущеніе за кривой усмѣшкой: лѣвые каде, молъ, овладѣли „твердыней“ стараго либерализма.

Конечно, это—неправда, но не было бы бѣды и въ кадетскомъ торжествѣ, такъ какъ торжествовалъ бы избранный умъ русскаго общества, наиболѣе культурная сила страны.

Новая книжка „В. Евр.“ открывается воспоминаніями А. Н. Гончарова объ И. А. Гончаровѣ.

Прежняя редакція обратилась къ племяннику И. А. Гончарова—А. Н. Гончарову съ просьбой подѣлиться воспоминаніями объ авторѣ „Обломова“ и „Обрыва“. Племянникъ не только охотно написалъ, но въ рядѣ писемъ настойчиво внушалъ редакціи, что написалъ только сухую правду, что больной, умирающій онъ и не могъ написать ничего другого.

Перо у племянника очень бойкое; „воспоминанія“ несутъ явные слѣды опытной руки беллетриста. И, дѣйствительно, изъ редакціоннаго предисловія узнаемъ, что авторъ воспоминаній не только прикосновененъ къ беллетристикѣ, но даже за одинъ изъ очерковъ удостоился лестнаго отзыва Л. Н. Толстого.

Вотъ почему читателю нельзя не быть глубоко благодарнымъ редакціи

журнала, что она, давая мѣсто этимъ отравленнымъ ядомъ воспоминаніямъ, не поскупилась на примѣчанія, чтобы нейтрализовать его пагубное дѣйствіе на свѣтлую личность любимого всѣми романиста.

Не будь этихъ примѣчаній—они занимаютъ едва-ли меньшее мѣсто, чѣмъ самая статья—отрава влилась бы не въ одно легковѣрное читательское сердце. Теперь же читатель только изумленъ и съ любопытствомъ слѣдить, какъ ловко и безцеремонно иные господа поднимаютъ свои руки на чужія репутации.

Редакція „В. Е.“ отнеслась слишкомъ снисходительно къ А. Н. Гончарову, признавая субъективную правду за его воспоминаніями. Мы тоже готовы признать, что авторъ искренно заблуждался... Но не можемъ не сказать громко, что отъ объективной правды остались въ этихъ воспоминаніяхъ одни ключья... Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ всѣ примѣчанія къ статьѣ.

Авторъ воспоминаній не пощадилъ ни отца, ни матери. О дядѣ и говорить нечего. О немъ племянникъ говоритъ все время, какъ о злюкѣ, ненавистникѣ даже родныхъ, какъ о ненормальномъ человѣкѣ, талантѣ котораго тоже является продуктомъ вырожденія...

Можетъ быть этотъ взглядъ и интересенъ, какъ лишняя иллюстрація враждебныхъ при жизни отношеній между дядей и племянникомъ. Но примѣчанія вскрываютъ такую массу фактическихъ неточностей и искаженій, что у читателя закрадывается сомнѣніе: была-ли вообще нужда въ опубликованіи такихъ явно недоброкачественныхъ „воспоминаній“.

Вѣдь, если племянникъ такъ фантастически разукрасилъ своего дядю, съ которымъ онъ все-же соприкасался въ жизни, то еще больше фантазіи вложено въ характеристику старшихъ родственниковъ писателя. И здѣсь чувствуется тенденція открыть наследственные черты вырожденія. А какова цѣнность такихъ изысканій, можно догадаться изъ одного примѣчанія, устанавливающего, что авторъ оказался „несправедливымъ“ даже къ своему отцу...

Воспоминанія напечатаны—журналъ имѣлъ на это право, но болшую ему честь дѣлаетъ то, что, дорожа памятью И. А. Гончарова, онъ приложилъ трудъ къ серьезной ихъ проверкѣ не только по печатнымъ матеріаламъ, но путемъ дополнительнаго опроса другихъ родственниковъ покойнаго писателя, отнесшихся къ послѣднему менѣе пристрастно, сохранившихъ о немъ, какъ о человѣкѣ, лучшую память.

Лишнимъ и столь же фантастическимъ намъ показался другой очеркъ въ этой книжкѣ журнала: „А. П. Чеховъ-лавочникъ“.

На изображеніе таганрогской бакалейной лавочки отца Чехова употреблено много красокъ, но у читателя остается очень смутное впечатлѣніе, какое отношеніе все это имѣло къ Антонію Чехову. Антоша отошелъ куда-то въ глубь картины, и читатель отказывается признать, что это его голосъ раздается по адресу беззащитнаго еврейскаго мальчика-шестилѣтки:

— „Жидъ-капсанъ, свинью сосалъ, да не высосалъ“.

Этотъ дикій крикъ врывается рѣзкимъ диссонансомъ въ рассказъ и

не вяжется съ тѣмъ, что авторъ очерка говорить о жалости Антоши къ беззащитнымъ, не вяжется вообще съ безотвѣтнымъ, мягкимъ, робкимъ и пассивнымъ характеромъ Антоши.

Желаніе автора навязать маленькому Антошѣ неудовлетворенность ролью за прилавкомъ, выставить его какой-то жертвой безсердечнаго отца и вообще среды напоминаетъ намъ такую-же попытку Бѣлинскаго относительно просла-поэта Кольцова. Горячность характеристики Бѣлинскаго была охлаждена позднѣйшими біографическими данными и признаніями самого Кольцова, при чемъ оказалось, что Бѣлинскій, исходя а priori изъ общихъ чертъ мѣщанства, оказался несправедливымъ къ роднымъ Кольцова и наравнюю, ненавистную внутренняго разлада, жизнь мѣщанина Кольцова перенесъ позднѣйшія переживанія поэта Кольцова.

Тоже самое можно подмѣтить и въ новомъ очеркѣ объ А. П. Чеховѣ, написанномъ на основаніи неизвѣстно какихъ матеріаловъ. Изъ тѣхъ слишкомъ явно стремленіе оправдать фразу, взрослого Чехова, что у него въ дѣтствѣ не было дѣтства.

Но нѣтъ никакихъ доказательствъ тому, чтобы самъ Чеховъ видѣлъ тѣневую сторону дѣтства именно въ своемъ положеніи „лавочника“, когда ему, хозяйскому сыну, приходилось замѣнять отца за кассой. Мальчиками въ лавкѣ служили нанятые Андрюшка и Гаврюшка, выступающіе въ очеркѣ болѣе живо обрисованными, чѣмъ Антоша...

II.

Содержательную статью („Сѣверный монастырь“), написанную по по-

вымъ матеріаламъ, помѣстить въ „В. Евр.“ М. Богословскій. Авторъ выясняетъ землевладѣльскій и промышленный характеръ нашихъ сѣверныхъ монастырей, ихъ экономическую мощь и хозяйственное взаимодействие съ земскимъ крестьянскимъ міромъ.

Носитель аскетическихъ идеаловъ, монастырь на сѣверѣ являлся въ то же время алчнымъ приобретателемъ главнаго капитала страны—земли, сосредоточивая въ своихъ рукахъ большіе земельные участки разными путями: посредствомъ пожалованія отъ правительства, хосредствомъ частныхъ сдѣлокъ: вкладовъ, купли и залога.

Сѣверные монастыри служили также цѣлямъ общественнаго призрѣнія, играли роль своеобразныхъ страховыхъ учрежденій, страховавшихъ какъ на случай смерти (съ обезпеченіемъ мѣста въ раю—за вкладъ на поминъ души), такъ и на случай старости.

Въ послѣднемъ случаѣ вкладъ давалъ вкладчику право доживать свой вѣкъ въ монастырѣ на монастырскомъ иждивеніи. Какъ широко былъ развитъ послѣдній видъ „страхованія“, показываютъ жалобы на то, что число „тунеядцевъ“—вкладчиковъ, часто съ женами и дѣтьми, проживающихъ и кормящихся за счетъ монастыря, превышаетъ число монастырской „братіи“. Иногда крестьяне сами просили объ открытіи монастырей, мотивируя свое желаніе накопленіемъ въ своемъ обществѣ сиротъ и неимущихъ.

Монастырь получалъ такимъ образомъ двойственный характеръ учрежденія, гдѣ аскетическіе идеалы должны были уживаться съ хозяйствен-

ной дѣятельностью, гдѣ выбирали игумена, какъ директора-распорядителя; казначей, заведующаго финансами; келаря, на которомъ лежить монастырское хозяйство; стряпчаго, которому поручается веденіе многочисленныхъ и нерѣдко сложныхъ судебныхъ процессовъ; „купчину“, заведующаго торговыми операціями и т. д.

И отношеніе населенія къ монастырю на сѣверѣ было также двойственное. Находя душевный миръ и тѣлесный покой подъ сѣною монастырскихъ святынь, къ которымъ оно благоговѣнно притекало, население постоянно опасалось монастыря, какъ экономическаго конкурента, и, неся ему обильныя приношенія деньгами и землей, постоянно рсорилось и судилось съ монастыремъ изъ-за тѣхъ же земель и денегъ въ составѣ земскаго міра.

М. Богословскій предостерегаетъ отъ идеализаціи сѣвернаго монастыря, преувеличенія его нравственнаго влияния на „міръ“.

Монастырь отражалъ въ себѣ всю грубость окружающей его среды, которая входила въ него подъ черной рясою и продолжала сквозить изъ подъ этой смиренной рясы прежними безобразными пятнами.

Соловецкій обиходъ былъ изъ самыхъ строгихъ и, однако, въ 1647 г. игуменъ монастыря жаловался царю Алексѣю, что „которые братья охочи пьянаго питья пить и они своихъ мѣръ за столомъ не пьютъ и носятъ по кельямъ, и наливаются до-пьяна; и отъ того пьянства бьвають вражда и мятежъ, а иные священники и крылошане, и простаа братія въ томъ обычаѣ закоснѣли“.

Основанный на отдаленномъ край-

немъ сѣверѣ Россіи среди дикой Лопи Печенгскій монастырь долженъ былъ, по мысли основателя преп. Трифона, подвизаться суровымъ миссіонерскимъ подвигомъ, распространять христіанскую вѣру среди язычниковъ—допарей. Но вотъ какая характеристика братіи этого монастыря была представлена въ концѣ XVII в. преосвящ. Афанасію, архіепископу холмогорскому, по поводу назначенія новаго игумена.

„Въ Печенгскомъ монастырѣ братіи монаховъ 14 человекъ, да вкладчиковъ 12 человекъ. Въ томъ числѣ: 1) монахъ Тихонъ, порою Керечанинъ, лѣтъ совершенно хрестарѣлъ и очми мало видитъ, грамотъ не учень... и во нравѣ мало постояненъ. 2) Монахъ Амвій, порою и образованіемъ Лопинъ, живетъ въ монастырѣ казначеемъ года четыре, хмельного питья держится не въ малѣ. 3) Монахъ Сильверстъ житіе живетъ своевольное, съ братією мало согласное и пьянственнаго питья держится не въ малѣ. 4) Монахъ Ильа, кузнецъ, живетъ житіе совершенно пьянственное. 5) Монахъ Серафимъ, житель былъ Кольскаго острога, и есть у него въ Кольскомъ острогѣ посестрія и дѣти сыновья женатые и дочери замужнія и зятья... Лѣтъ престарѣлъ, житіе живетъ къ воздержанію посредственное и въ трудѣхъ послушенъ, только де къ посестріямъ и къ дѣтямъ его дачею монастырскаго избытка желаніе имѣеть. 6) Монахъ Арсеній, житель Кольскаго острога, монашествуетъ лѣтъ 5 или 6, житіе живетъ къ пьянству желательное, и на кабакъ для напитку бываетъ нерѣдко и на ту потребу чинитъ изъ монастырскихъ избытковъ похищеніе. 7) Монахъ Іаковъ, заонежанинъ, Корелянинъ порою, отъ рожденія лѣтъ 20, грамотъ не учень..., а пьянства дер-

жится съ желаніемъ. 8) Монахъ Каллистъ, въ міръ былъ Кольскаго острога стрѣлецъ, лѣты средовѣченъ, житіе живетъ совершенно пьянственное, мало съ кабака сходить, грамотѣ не ученъ и монашескаго ничего вѣрить ему невозможно. 9) Монахъ Гурій мезенскаго уѣзда, живучи въ братствѣ послушенъ, только человѣкъ онъ пьянственный же, грамотѣ не умѣетъ. 10) Монахъ Ефремъ, вышписанному старцу Каллисту братъ родной... житіе проходитъ въ пьянственное и непотребное, во всемъ подобное вышписанному брату его Каллисту монаху. 11) Монахъ Исаія былъ стрѣлецъ Кольскаго жъ острога... и въ Кольскомъ острогѣ есть у него дѣти и внучата и иные сродники, и къ тѣмъ своимъ сродникамъ онъ пріобѣгаетъ и человѣкъ онъ упьянчивый. 12) Иеромонахъ Геронтій, въ міръ былъ житель Кольскаго острога, а постригся онъ отъ нужды отъ начетнаго на него хлѣба, какъ онъ въ прошлыхъ годахъ у приему и раздачи государева хлѣба на жалованье служащимъ людямъ былъ цѣловальникомъ. А въ міръ житіе онъ жилъ пьянственное жъ. 13) Монахъ Павелъ былъ въ міръ того жъ Кольскаго острога священникъ Петръ. Житіе онъ въ монашествѣ нынѣ преходитъ доброе. 14) Монахъ Иринархъ житіе живетъ межъ братствомъ ропотливое, и изъ монастыря въ мірскіе дома ходитъ по часту“.

Единственный монахъ, преходящій „доброе житіе,“ и былъ назначенъ игуменомъ... пьянственной братіи.

Хорошимъ до полненіемъ къ этой характеристикѣ служить сатирическая челобитная Калязинскихъ старцевъ, приводимая въ ноябрьской книжкѣ „Истор. Вѣстника“ въ статьѣ: „Сатира на клиръ“.

Текстъ сатиры челобитной относится къ концу 17 столѣтія, а ши-

рокое распространеніе въ народѣ получилъ въ началѣ царствованія Екатерины II съ вѣдома правительства, желавшаго путемъ подрыва престижа монастырей подготовитъ почву къ отобранію у нихъ земель.

Изображена была картина: въ палатахъ сидитъ архіепископъ, а монахи бьютъ ему челомъ; вдали церковь—подъ картиной текстъ челобитной.

Въ главныхъ чертахъ содержаніе челобитной слѣдующее.—Калязинскіе монахи дяконъ Дамаскинъ-чернецъ съ товарищами жалуются Симеону архіепископу кашинскому и тверскому на новаго своего архимандрита Гавриила за то, что онъ вводитъ строгіе порядки въ обители: требуетъ хожденія въ церковь и трезваго поведенія.

„Живетъ онъ не гораздо—доносить монахи архіерею—досаждаетъ намъ, богомольцамъ твоимъ, вельми. Научилъ онъ, архимандритъ, пономарей-плутовъ не во-время въ колокола звонить, въ доски колотить, и они, пономари-плуты, изъ колоколовъ много мѣди вызволили, желѣзные языки перебили, три доски исколотили, ни въ день, ни въ ночь намъ, богомольцамъ твоимъ, покою не даютъ.“

Старцы обвиняютъ архимандрита въ расточительности: „Казны не бережетъ, ладоншу и свѣчъ много жжетъ и тѣмъ онъ, архимандритъ, церковь запалилъ, кадила закоптилъ, а намъ, богомольцамъ твоимъ, выкло очи, засадило горлы“.

У воротъ монастыря поставленъ кривой Фалалей съ шелепомъ и не пускаетъ старцевъ даже на скотный дворъ сходить „коровницамъ благословеніе подать.“

И дальше въ томъ же духѣ челобитная высмѣиваетъ пьянство и обжорство монастырской братіи.

Въ заключеніе монахи, если не

уберутъ отъ нихъ архимандрита, гро-
зятъ: „мы, богомольцы твои, ударимъ
объ уголь плошки да ложки, а въ
руки возьмемъ посошки, да вступимъ
на дорожки.—пойдемъ въ иной мона-
стырь, а гдѣ пиво да вино найдемъ,
тутъ и поживемъ; а когда тутъ до
пьемъ, въ иной монастырь пойдемъ“..

Авторъ „Сатиры на клиръ“, по на-
шему мнѣнію, ошибочно думаетъ, что
расцвѣтъ сатиры на духовенство от-
носится къ покровительствовавшимъ
ей царствованіямъ Петра I и Екате-
рины II и что позднѣе, особенно при
никolaевскомъ режимѣ, она заглохла
и измельчала.

Это справедливо лишь по отноше-
нію къ сатирѣ официальной, подцен-
зурной, образцы которой приводятся
въ его статьѣ, но онъ забылъ о нап-
болѣе живучемъ источникѣ—народ-
номъ творествѣ, въ пѣсняхъ, посло-
вицахъ, прозвищахъ, выразившемъ
взглядъ народа и его отношеніе къ
бѣлому и черному духовенству.

Этого рода большой матеріалъ со-
вершенно не затронутъ авторомъ
статьи: „Сатира на клиръ.“

Много и до сихъ поръ въ этой
области осталось незаписаннымъ, а
живетъ въ устной передачѣ.

Такъ, едва-ли гдѣ записана тоже
сатирическая шутка, отрывокъ кото-
рой намъ удалось слышать „по-пре-
данію.“

Во второй половинѣ прошлаго вѣка
въ нашей нижегородской епархіи од-
на изъ смѣнъ на архіерейской ка-
федрѣ сопровождалась перемѣной ре-
жима въ монастыряхъ, куда нѣкото-
рыхъ священниковъ и др. клириковъ
административно отправляли „подъ
началь“—„толочь воду,“ какъ гово-
рили тогда.

Одинъ изъ такихъ сельскихъ іе-
реевъ, слышій, за веселый нравъ и
оригинальность, подъ прозвищемъ „Ба-
лабанъ-Балабанычъ“, вдосталь извѣ-

давшій подначальное житіе въ мона-
стыряхъ нижегородскихъ, на потѣху
дѣтей—поповичей и соорудилъ, иг-
рушку-сатиру... Надо сказать, что у
него былъ особый талантъ на игру-
шечное мастерство. Его новая игруш-
ка изображала фигуры двоихъ „па-
стырей“ съ пестами въ рукахъ; они
стояли надъ ступой и, приводимые
особымъ механизмомъ въ движеніе,
„толкли“ въ тактъ слѣдующей пѣ-
сенки:

„Какъ встарь попы воду толкли,
хрѣнъ да лукъ до мозолей рукъ. Съ
воды брызжется, съ хрѣну чишится,
съ луку глазки бѣтъ—хоть бѣги съ
поповскихъ мѣсть...“

Измѣнился нынче свѣтъ—толчи
воду моды нѣтъ! Намъ и пастирь и
отецъ нарубить велить дровецъ; са-
мовары принести, коридоры под-
мести“...

Можетъ быть, пѣсня имѣетъ и
продолженіе, но намъ—извѣстны
только приводимыя строки.

III.

Записки сенатора К. И. Финера
печатающіяся въ „Истор. В.“, подхо-
дятъ къ концу...

„Эпоха великихъ реформъ“ и дѣ-
ятели этой эпохи приводятъ его въ
раздраженіе, и съ его до того эпи-
чески-спокойнаго пера срываются сов-
сѣмъ не историческія фразы.

Онъ не понимаетъ ни новыхъ вѣ-
лий жизни, не можетъ безпристраст-
но оцѣнить и новыхъ работниковъ.

Наблюдая со стороны и по на-
слышкѣ, послѣ выхода въ отставку,
вновь нарождающіяся государственныя
и общественныя формы, сенаторъ Фи-
неръ встрѣчаетъ многое изъ того,
чему, судя по характеру его запис-
сокъ, долженъ бы радоваться.—слѣ-
дующей, напр., тирадой:

„Какой хаосъ! Гуманность при
судѣ надъ убійцами и безчеловѣчье
въ управленіи областями, гдѣ, велѣд-

стве мятежа, терзают не по дѣламъ, а по національности; свобода печати и живые доклады и цифры, публикуемыя во всеобщее свѣдѣніе; ропотъ противъ Оттоманской Порты за неравноправность христіанъ и истязаніе католиковъ у себя; возрастающіе дефициты и надежды на благосостояніе финансовъ; гласность суда и безстыдство суда; капральство и революціонныя стремленія: ревность власти и добровольная уступка власти; дворцы въ столицѣ и кабаки да тройки по всемъ улицамъ; усиленіе полиціи и дневные грабежи безнаказанные. Поистинѣ, смѣшанное министерство!“

Изъ добраго стараго времени онъ рассказываетъ еще объ одной удивительной оарьерѣ полковника генеральнаго штаба Вилламова,—человѣка добраго, но крайне неспособнаго.

Государь Александръ Павловичъ имѣлъ обыкновеніе спрашивать военныхъ начальниковъ о членахъ ихъ семействъ. На разводѣ, когда онъ желалъ быть милостивымъ къ полковому командиру, онъ спрашивалъ: „что дѣлаетъ братъ твой, который служилъ тамъ-то?“ Или: „здоровъ ли старикъ твой отецъ такой-то?“ и т. д. Во прошлый растргивался до слезъ при этихъ вопросахъ, свидѣтельствовавшихъ, казалось ему, какъ государь интересовался его семьей.

На самомъ дѣлѣ эти вопросы дѣлались на основаніи приготовлявшихся княземъ Меншиковымъ (министромъ) табличекъ, которыя государь вкладывалъ въ перчатку и при случаѣ справлялся съ ними.

Таблички эти требовали, по дѣлу своей, почерка очень мелкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ очень четкаго; таковъ былъ почеркъ у Вилламова—у него одного.

По этой причинѣ возили Вилламо-

ва повсюду, куда ѣздилъ Государь вмѣстѣ съ Миллеромъ, чинили перья (о послѣднемъ мы уже говорили).

Въ новомъ 24-мъ сборникѣ творчества „Знаніе“ помѣщены и прочимъ, двѣ большія полныя работы какаго интереса вещи: „Жизнь одного человѣка“ М. Горькаго и „Княгиня Настя“ А. Амфилохова.

Къ сожалѣнію, въ отношеніи изведеній М. Горькаго товарищ продолжаетъ старую линію—идти черезъ чашъ по столовой. Въ то время, какъ за-границей произведеніе давно вышло изъ моды.

Такое дробленіе не только русскую публику по карману, заставляя ради „продолженія“ горьковскаго произведенія покупать слабые и лики Сборника, но вредно отзывалось на не-карманныхъ интересахъ и на чтеніи по частямъ, черезъ долгіе продолжительные промежутки. Имѣетъ у него произведеній самое дѣльное качество—цѣльность художественнаго впечатлѣнія на читателя, а критику лишаетъ возможности временно и правильно оцѣнить значеніе cadaго даннаго произведенія.

Нѣтъ послѣ этого ничего удивительнаго въ томъ, что о Горькомъ стали писать или пишутъ повсюду...

А это уже—проигрышъ для общественной мысли, ущербъ общественному сознанію, мимо котораго идутъ исканія единственнаго въ эти дни писателя-художника съ дѣловымъ, ярко выраженнымъ социальнымъ міросозерцаніемъ.

Къ данному тому „Сборнику“ еще надѣмся вернуться въ следующий разъ.